

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

5 декабря 2019 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н.С.Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.В.Москалева,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин М.В.Москалев оспаривает конституционность части первой статьи 128¹ «Клевета» УК Российской Федерации и статьи 318 «Возбуждение уголовного дела частного обвинения» УПК Российской Федерации.

Часть первая статьи 128¹ УК Российской Федерации устанавливает, что клевета, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, наказывается

штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до ста шестидесяти часов.

Согласно статье 318 УПК Российской Федерации уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 данного Кодекса, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 данного Кодекса (часть первая); в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном частью третьей этой статьи (часть вторая); уголовное дело возбуждается следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 данного Кодекса; при этом следователь приступает к производству предварительного расследования, а дознаватель – дознания (часть третья); вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение (часть четвертая); заявление должно содержать: 1) наименование суда, в который оно подается; 2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения; 3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству; 3¹) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность; 4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; 5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд; 6) подпись лица, его подавшего (часть пятая); заявление подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело частного обвинения; заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 УК Российской Федерации, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя; одновременно мировой судья разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление (часть шестая); с момента принятия судом заявления к своему производству, о чем выносится

постановление, лицо, его подавшее, является частным обвинителем; ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьями 42 и 43 данного Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление (часть седьмая); если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора (часть восьмая).

Приговором мирового судьи судебного участка № 1 Железнодорожного судебного района города Симферополя Республики Крым от 17 апреля 2019 года М.В.Москалев осужден за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, к наказанию в виде штрафа в размере трехсот восьмидесяти тысяч рублей.

По оценке суда первой инстанции, М.В.Москалев на протяжении четырех лет обращался в государственные, муниципальные, правоохранительные и иные органы и организации с письменными заявлениями и жалобами в отношении гражданина Ж. (владелец земельного участка, расположенного рядом с многоквартирным домом, в котором проживает М.В.Москалев), указывая, что он осуществляет предпринимательскую деятельность (стирка и химическая чистка текстильных и меховых изделий) незаконно; допустил нарушения при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и при согласовании выезда из прачечной; загородил часть придомовой территории многоквартирного дома; незаконно возводит мансардное строение; высказывает угрозы в адрес жильцов многоквартирного дома; пытается разжечь межнациональный конфликт. Заведомую ложность этих сведений суд усмотрел в том, что М.В.Москалев после неоднократных проверок его заявлений и жалоб, а также получения ответов от компетентных органов об отсутствии указанных им нарушений продолжал систематически обращаться

в связи с теми же обстоятельствами в иные органы и организации. При этом суд пришел к выводу, что заявления и жалобы подсудимого являлись не способом реализации конституционного права на обращение в государственные органы, а были направлены исключительно на причинение вреда Ж., т.е. имеют очевидные признаки злоупотребления правом. Также суд сделал вывод, что все без исключения доводы М.В.Москалева о нарушении Ж. действующего законодательства и недобросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности, изложенные в заявлениях и жалобах, не находят своего подтверждения и, умаляя честь, достоинство и деловую репутацию последнего, являются клеветой.

Апелляционным постановлением Железнодорожного районного суда города Симферополя Республики Крым от 22 июля 2019 года приговор оставлен без изменения. Суд признал установленным, что М.В.Москалев подавал заявления, в которых прямо утверждалось о совершенных Ж. нарушениях и противоправных деяниях, с указанием конкретных обстоятельств, достоверно зная, что потерпевший не допускал перечисленных в обращениях нарушений.

Заявитель полагает, что оспариваемые законоположения противоречат статьям 10, 19 (часть 2), 33 и 129 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют признавать обращение гражданина в государственные органы и органы местного самоуправления распространением информации и на этом основании привлекать к уголовной ответственности за клевету, инициируя уголовное преследование по заявлению частного обвинителя и не требуя в этом случае установления в ходе предварительного расследования обстоятельств содеянного.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной

власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием на основе равенства всех перед законом и судом (статья 18; статья 19, часть 1), гарантирует каждому государственную и судебную защиту его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1), а также закрепляет в качестве одной из конституционных гарантий право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33).

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное право граждан на обращения в совокупности с другими элементами правового статуса личности позволяет им выразить свое отношение к деятельности публичной власти, проявить заинтересованность в эффективной организации государственной и общественной жизни (Постановление от 18 июля 2012 года № 19-П), что является важным инструментом влияния личности на публичную власть, цивилизованным способом разрешения противоречий, споров и конфликтных ситуаций, преодоление которых становится возможным при помощи государственных органов, органов местного самоуправления и судов, призванных обеспечивать реализацию и защиту конституционных прав человека и гражданина. Осуществление такого взаимодействия гражданина с государством предполагает необходимость эффективного механизма реализации конституционного права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, обязанность по установлению которого возлагается на федерального законодателя.

Обладая свободой усмотрения при определении процедур, сроков рассмотрения индивидуальных и коллективных обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления, установлении форм реагирования на обращения и других необходимых гарантий их рассмотрения, федеральный законодатель вместе с тем не вправе устанавливать произвольное регулирование, не соотносящееся с

конституционными требованиями о недопустимости такого осуществления прав и свобод человека и гражданина, которое вело бы к нарушению прав и свобод других лиц, а также причинению вреда конституционно гарантированным публичным интересам (статья 17, часть 3; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Тем самым Конституция Российской Федерации определяет пределы усмотрения федерального законодателя при регулировании соответствующих общественных отношений.

Нормативное регулирование отношений в сфере обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления предполагает установление федеральным законодателем соразмерных ограничений в целях достижения баланса публичных и частных интересов, недопустимости искажения в ходе правового регулирования самого существа данного конституционного права; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 16 апреля 2015 года № 8-П, от 2 июня 2015 года № 12-П, от 3 июля 2018 года № 28-П и др.).

Такое понимание возможности ограничения свободы выражения мнения соотносится и с подходами Европейского Суда по правам человека, который, обращаясь к оценке государственного вмешательства в сфере ее реализации, руководствуется доктриной «охлаждающего (сдерживающего) эффекта» (*chilling effect*), предполагающей недопустимость введения ограничений или ответственности, если это может уменьшить стремление пользоваться свободой выражения мнений (постановления от 10 мая 2011 года по делу «Мосли (*Mosley*) против Соединенного Королевства», от 25 февраля 2010 года по делу «Рено (*Renaud*) против Франции» и от 23 апреля 2015 года по делу «Морис (*Morice*) против Франции»).

Следовательно, право обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления, не являясь по юридической природе абсолютным, допускает установление федеральным законодателем порядка его реализации на основе соразмерных ограничений в соответствии с конституционно обоснованными критериями и принципами равенства, справедливости, уважения достоинства личности, защиты чести и доброго имени гражданина (статья 19, части 1 и 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

3. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», регулируя правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливая порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (часть 1 статьи 1), является законодательной основой взаимодействия гражданина с органами публичной власти в рамках рассмотрения последними обращений (предложений, жалоб, заявлений) граждан.

С правом граждан на обращение, как оно урегулировано названным Федеральным законом, соотносятся установленные в отношении государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц конкретные обязанности, сроки их исполнения, ответственность уполномоченных должностных лиц (статьи 10–12, 15 и 16); при этом в качестве гарантии данного права закрепляется право обжаловать в административном и (или) судебном порядке принятое по обращению решение или действие (бездействие) в связи с рассмотрением этого обращения (пункт 4 статьи 5).

Закрепляя принцип свободной и добровольной реализации гражданами Российской Федерации права на обращение и устанавливая недопустимость нарушения при его осуществлении прав и свобод других лиц, Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

содержит требования, направленные на защиту чести и достоинства личности, охрану общественных отношений в сфере рассмотрения обращений граждан, а также правила противодействия злоупотреблению правом (часть 2 статьи 2, часть 3 статьи 11 и др.). При этом, определяя права гражданина при рассмотрении обращения, а также требования к письменному обращению (статьи 5 и 7), федеральный законодатель не устанавливает специальных требований к содержанию обращений граждан, за исключением случаев, когда предусматривается возможность не давать ответ по существу поставленных в обращении вопросов (статья 11), а также не определяет критериев оценки обоснованности обращения, презюмируя – по смыслу статьи 9 – обязательность принятия обращения к рассмотрению.

Это допускает достаточно широкие возможности гражданина при реализации конституционного права на обращения, в том числе возможность направить обращение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу и в том случае, если нарушение, по мнению этого гражданина, лишь предполагается. Такое обращение не может считаться необоснованным и исключенным из сферы действия гарантий, установленных Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а потому предусматривает обязанность соответствующих органов и должностных лиц дать правовую оценку сообщаемым фактам в целях обеспечения конституционных прав и свобод обратившегося гражданина или других лиц.

Одновременно федеральный законодатель в рамках реализации своих дискреционных полномочий установил гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением (статья 6), с тем чтобы реализация его конституционного права не вела к ограничению или отрицанию иных прав и свобод этого гражданина, а также с целью минимизации негативного воздействия на иных лиц, с правами и свободами которых могут соотноситься сведения, которые использовались гражданином в обращении. Этому соответствует запрет на преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к

должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц (часть 1), недопущение разглашения сведений, содержащихся в обращении, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия, имея, однако, в виду, что сам факт направления письменного обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов, не является разглашением сведений (часть 2).

Раскрывая конституционно-правовой смысл данных положений, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, будучи направленными на реализацию положений статей 2, 15 (часть 2), 17, 33 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, они выступают гарантией права на обращение в органы публичной власти, которая исключает распространение неопределенному кругу лиц сведений о содержании обращения, тем более относящихся к частной жизни гражданина (определения от 22 декабря 2015 года № 2906-О и от 25 января 2018 года № 62-О). Соответственно, действующее регулирование устанавливает особый (ограниченный) режим использования информации, которая поступила государственным органам, органам местного самоуправления и их должностным лицам в связи с получением обращений граждан, не предполагающий ее произвольного (не связанного с проверкой указанных в обращении фактов) разглашения.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования – даже с учетом потенциально возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, – само по себе обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, обусловленное целью получения содействия по реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как распространение (разглашение) информации.

Из такого же понимания обращения в государственные органы и органы местного самоуправления как конституционно необходимого средства защиты частных и публичных интересов исходит и Верховный Суд Российской Федерации, который в своих решениях указывал на недопустимость привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за распространение порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений в связи с направлением обращений в государственные органы и органы местного самоуправления, если само такое обращение обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; пункт 9 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 года).

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятные правовые последствия, тем более в форме уголовной ответственности (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П). Вместе с тем выход за установленные федеральным законодателем пределы реализации этого конституционного права объективно может создавать угрозу конституционным правам и свободам других лиц и охраняемым публичным интересам, а потому предполагает допустимость введения законодательных ограничений в этой сфере, связанных в том числе с привлечением к ответственности. Иное понимание существа права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, по сути, означало бы незащищенность лица, о действиях которого, носящих якобы противоправный характер, информируются на систематической основе государственные органы, органы местного самоуправления с целью причинения ему вреда.

В практике Европейского Суда по правам человека также признается, что сам по себе ограниченный режим использования информации в таких случаях не исключает риск потенциального причинения вреда репутации лица, а необходимость применения в таких случаях санкций зависит в том числе от содержания, достоверности, формы и последствий переданной информации, а также цели ее передачи (постановление от 27 июня 2017 года по делу «Отделение исламской общины в Брчко и другие (*Medzlis Islamske Zajednice Brcko and Others*) против Боснии и Герцеговины»).

4. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств (Постановление от 27 мая 2008 года № 8-П).

Поскольку уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Таким образом, по смыслу данных правовых позиций, отсутствие противоправности деяния исключает и его уголовную наказуемость. Иное, в нарушение требований части второй статьи 54 Конституции Российской

Федерации, согласно которой никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а также статьи 14 УК Российской Федерации, признающей преступлением лишь виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное этим Кодексом под угрозой наказания, приводило бы к возложению уголовной ответственности за деяние, которое не является противоправным.

Определяя в части первой статьи 128¹ УК Российской Федерации состав преступления клеветы, криминообразующим (составообразующим) признаком объективной стороны соответствующего деяния федеральный законодатель установил именно распространение сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, а способы совершения такого деяния должны оцениваться судами в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств.

Вопрос об ответственности за преступление, предусмотренное этой нормой уголовного закона, применительно к деянию, сопряженному с обращением в государственные органы и органы местного самоуправления, в том числе квалификация этого деяния в качестве преступления, подлежит разрешению на основе исследования фактических обстоятельств в системной связи с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Само по себе обращение в указанные органы, связанное с реализацией конституционного права лица на обращение, не ведет к распространению (разглашению) этой информации. Систематический же характер такого рода обращений граждан, т.е. использование конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления путем постоянного направления информации, вынуждающего эти органы неоднократно проверять факты, указанные в обращениях, может свидетельствовать о намерении причинить вред лицу, о противоправных действиях которого содержалась информация в обращении.

Выяснение же того, было ли обращение в государственные органы, органы местного самоуправления обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу, подлежит установлению на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, имея в виду недопустимость установления судом лишь формальных условий применения нормы, на что неоднократно ориентировал в своих решениях и Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 31 марта 2015 года № 6-П, от 5 июля 2016 года № 15-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П и др.).

Таким образом, сама по себе часть первая статьи 128¹ УК Российской Федерации не содержит неопределенности и не может расцениваться в обозначенном заявителем аспекте как нарушающая его конституционные права.

5. Обращаясь к вопросам уголовно-процессуального регулирования порядка возбуждения дел частного обвинения, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции.

Уголовные дела частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (часть вторая статьи 20 УПК Российской Федерации). При этом такое заявление не только признается поводом к возбуждению уголовного дела, но и рассматривается в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование. Устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что соответствующие преступления не представляют значительной общественной опасности и их раскрытие обычно не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно

в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П).

Наделение потерпевшего полномочиями правоохранительных органов и их должностных лиц в доказательственной сфере означало бы обременение его публично-правовыми правоохранительными функциями без конституционных на то оснований. В то же время реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не меняет природы соответствующих судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (Определение от 17 сентября 2013 года № 1336-О).

Следовательно, с учетом изложенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, положения статьи 318 УПК Российской Федерации не содержат неопределенности в вопросе об их соответствии Конституции Российской Федерации и сами по себе не могут расцениваться как нарушающие права заявителя.

Проверка же правильности установления фактических обстоятельств, послуживших основанием привлечения М.В.Москалева к уголовной ответственности, а равно оценка правильности выбора и применения норм права в конкретном деле, на что, по существу, направлены доводы заявителя, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, установленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 3272-О

В.Д.Зорькин